

В. В. ШИЛОВ

Калоши профессора*

Слава о русской галоше гремела по всему миру.
Это был один из немногих козырей царской России.

«Правда» от 17 октября 1934 г.

Галоши — не роскошь, а необходимый предмет
для рабочего, колхозника или служащего.

«Правда» от 8 октября 1934 г.

Полстолетия назад Ролан Барт писал в эссе «Дендизм и Мода»:

«Веками типов одежды было столько же, сколько социальных классов. Для каждого социального положения имелся свой костюм, и превращать одеяние в знак не составляло никакой трудности, поскольку сама сословная рознь считалась чем-то естественным. Таким образом, с одной стороны, одежда подчинялась всецело условному коду, а с другой стороны, сам этот код отсылал к природному или даже, лучше сказать, божественному порядку. Сменить одежду значило одновременно сменить свою сущность и свой класс — одно совпадало с другим. <...> ...Существовала настоящая грамматика костюма, нарушение которой было покушением на глубинный строй мироздания, а не только на условности вкуса; сколь много интриг и перипетий в нашей литературе зиждется на этом открыто сигналетическом характере одежды!»¹.

Разумеется, сказанное французским философом было вполне справедливо и для России: костюм дворянина здесь не имел ничего общего с одеянием купца, а наряд мастерового совершенно не походил на одежду крестьянина. По мнению Барта, «вскоре после Революции мужской костюм радикально переменился — не только по форме <...> но и по духу: идея демократии привела к появлению в принципе единообразной

* Впервые: Грядущие перспективы. По материалам международной научной конференции 21–22 ноября 2012 г. / сост. Е. В. Алехина, О. А. Дименко; ред. Е. В. Алехина. М.: Благотворительный фонд имени М. А. Булгакова, 2013. С. 180–199.

¹ Барт Р. Дендизм и мода // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вст. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 393.

одежды, подчиненной уже не открыто заявляемым императивам показного престижа, но требованиям труда и равенства»².

В России соответствующие процессы происходили, как обычно, со значительным запозданием относительно Европы. Если во Франции начало стирания граней между одеждой разных классов и социальных групп Барт датирует периодом после Великой революции, то в нашей стране даже столетие спустя одежда крайне жестко маркировала социальную стратификацию. Правда, это было различие в темпах, различие количественное, а не качественное, поскольку во Франции также «Фактически, однако, разделение социальных классов отнюдь не было устранено <...> Поэтому костюму пришлось вести хитрую игру с теоретическим единым образом <...> чтобы в пределах отныне всеобщего типа одежды все-таки сохранялось некоторое количество формальных различий, способных манифестировать оппозицию общественных классов»³.

Барт пишет, что в качестве реакции в одежде возник культ *детали*: «Коль скоро уже нельзя было изменить фундаментальный тип мужской одежды, не посягнув на принципы демократии и труда, то различительные функции костюма целиком взяла на себя *деталь* (“пустячок”, “не знаю что”, “манера” и т.д.). Отныне достаточными обозначениями тончайших социальных различий сделались узел галстука, ткань сорочки, жилетные пуговицы, туфельные пряжки»⁴. То есть деталь одежды получила функцию опознавательного сигнала «свой — чужой». И здесь мы обнаруживаем принципиальное отличие от российской ситуации! Если Барт не обнаруживает во Франции деталей одежды объединяющих, скрепляющих общество — то в России такая деталь была. И это были — *калоши*.

Кажется, что этот столь важный в условиях повсеместной и едва ли не всесезонной российской грязи и слякоти предмет обуви присутствовал в народном обиходе всегда. Однако на самом деле появились калоши относительно недавно, вероятно, в 1830-х гг., и поначалу только в городах. Были они кожаными и большого распространения не получили... Дальнейшую же их судьбу определил технологический прогресс. В 1844 г. американец Чарльз Гудьир запатентовал процесс вулканизации каучука — резина является результатом этого процесса. А в 1853 г. его соотечественник предприниматель Хирам Хатчинсон, купив у Гудьира соответствующую лицензию, организовал во Франции первое производство резиновой обуви. Вероятно, спустя некоторое время после этого события и началась экспансия резиновых калош в Россию — хотя калоши резиновые сосуществовали здесь с кожаными вплоть до начала XX в.

² Там же.

³ Там же. С. 393–394.

⁴ Там же. С. 394.

Но уже к концу XIX в. именно удобные и практичные резиновые калоши стали незаменимым и едва ли не обязательным предметом одежды. Их носили мужчины и женщины, их носили уже не только в городе, но и на селе. Причем на селе они воспринимались не только как средство защиты от грязи и сырости, но и как модный атрибут. Более того, надевая их, обладатель калош тем самым демонстрировал «миру» свою «успешность», свою социальную и материальную состоятельность. Граф Николай Егорович Комаровский в изданных в 1912 г. «Записках...» отмечал, что в восприятии русского крестьянина надетые на сапоги галоши «чуть ли не возносят его над уровнем прочих сельчан, придавая ему значение аристократического характера»⁵. В свою очередь, в городе отсутствие у человека калош означало крайнюю степень бедности: «Вот он, художник или поэт, темною ночью плетется к себе домой... Лошадей у талантов не бывает; хочешь не хочешь, иди пешком... Идет он жалкенький, в порыжелом пальто, быть может, даже без калош...»⁶. Здесь особенно характерно слово «даже»; т.е. если у горожанина нет *даже* калош, то дальше падать уже некуда... И одновременно это «даже» косвенно свидетельствует о широчайшем распространении калош. Тот же горожанин может не иметь вообще ничего, но уж хотя бы калоши-то у него быть должны. (PS: В интересной работе Е. И. Сазоновой⁷ приводится множество примеров из произведений русских авторов — как классиков, так и писателей «второго ряда», которые убедительно свидетельствуют о популярности калош во всех слоях российского общества.)

Не слишком рискуя впасть в преувеличение, можно сказать, что в условиях четкой социальной стратификации, когда каждый общественный и профессиональный слой, каждая социальная группа имели свой отличный от других костюм, калоши оказались едва ли не единственной вертикальной скрепой российского общества. А несколько утрируя, скажем, что если в Америке «великим уравниателем» называют револьвер Кольта, то в России в этой роли выступали калоши! Ведь именно обладание калошами уравнивало разночинца и помещика, крестьянина и чиновника... А также люмпена и профессора.

Упоминание люмпенов и профессоров естественно наводит на мысль обратиться к повести М. А. Булгакова «Собачье сердце». И для начала вспомнить знаменитый монолог профессора Филиппа Филипповича Преображенского:

⁵ Записки графа Николая Егоровича Комаровского. М.: Синодальная типография, 1912. С. 39.

⁶ Чехов А. П. Открытие // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Т. IV. М.: Наука, 1976. С. 323.

⁷ Сазонова Е. И. О калошах // Сообщения Ростовского музея. Вып. XIII. Ростов Великий, 2003. С. 260–264.

«— Голубчик, вы меня знаете? Не правда ли? Я человек фактов, человек наблюдения. Я враг необоснованных гипотез. И это очень хорошо известно не только в России, но и в Европе. Если я что-нибудь говорю, значит, в основе лежит некий факт, из которого я делаю вывод. И вот вам факт: вешалка и калошная стойка в нашем доме.

— Это интересно...

“Ерунда — калоши. Не в калошах счастье⁸, — подумал пес, — но личность выдающаяся”.

— Не угодно ли — калошная стойка. С 1903 года я живу в этом доме. И вот, в течение времени до марта 1917 года не было ни одного случая — подчеркиваю красным карандашом: “ни одного” — чтобы из нашего парадного внизу при общей незапертой двери пропала бы хоть одна пара калош. Заметьте, здесь двенадцать квартир, у меня прием. В марте семнадцатого года в один прекрасный день пропали все калоши, в том числе две пары моих, три палки, пальто и самовар у швейцара. И с тех пор калошная стойка прекратила свое существование. Голубчик! Я не говорю уже о паровом отоплении. Не говорю. Пусть: раз социальная революция — не нужно топить. Но я спрашиваю: почему, когда началась вся эта история, все стали ходить в грязных калошах и валенках по мраморной лестнице? Почему калоши до сих пор нужно запирать под замок и еще приставлять к ним солдата, чтобы кто-либо их не стащил? Почему убрали ковер с парадной лестницы? Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что второй подъезд Калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через черный двор? Кому это нужно? Почему пролетарий не может оставить свои калоши внизу, а пачкает мрамор?

— Да у него ведь, Филипп Филиппович, и вовсе нет калош... — заикнулся было тяпнутый.

— Нич-чего похожего! — громовым голосом ответил Филипп Филиппович и налил стакан вина. — Гм... я не признаю ликеров после обеда, они тяжелят и скверно действуют на печень... Ничего подобного! На нем есть теперь калоши и эти калоши... мои! Это как раз те самые калоши, которые исчезли весной 1917 года. Спрашивается, кто их попер? Я? Не может быть. Буржуй Шаблин? (*Филипп Филиппович ткнул пальцем в потолок*). Смешно даже предположить. Сахарозаводчик Полозов? (*Филипп Филиппович указал вбок*). Ни в коем случае! Да-с! Но хоть бы они их снимали на лестнице! (*Филипп Филиппович начал багроветь*)»⁹.

⁸ Ср. с названием сказки Х. К. Андерсена «Калоши счастья». 28 мая 1939 г. Е. С. Булгакова записала в дневнике: «Мише пришла в голову мысль сделать балетное либретто “Калоши счастья” по Андерсену» (Дневник Елены Булгаковой. М.: Книжная палата, 1990. С. 262). Надев андерсеновские волшебные калоши, можно было мгновенно перенестись в любую эпоху, в страну мечты и счастья. Думается, если профессор Преображенский мог только мечтать вернуться в предфевральскую эпоху, то отъезд за границу был для него вполне реален и без помощи сказочных калош. Булгаков же к 1939 г. уже и мечтать не мог увидеть иные страны.

⁹ Булгаков М. А. Собачье сердце // Булгаков М. А. Избр. произв.: в 2 т. К.: Дніпро, 1989. Т. 1. С. 478–479.

Мы видим, что для профессора Преображенского калоши — не просто обувь. Для него они и символ, и неотъемлемый атрибут налаженной и обустроенной, спокойной и уютной жизни, наравне с лампой под шелковым абажуром. Не случайно именно в связи с калошами возникают центральные темы нескольких важнейших эпизодов повести. Поэтому нельзя, пожав в недоумении плечами, сказать: ну из-за чего Преображенский так разошелся, подумаешь, калоши какие-то...¹⁰

Но и для люмпена, деклассированного элемента, вообще для аутсайдера калоши являются символом! Символом иной жизни, к которой испытываешь ненависть, но к которой одновременно хочешь приобщиться¹¹. Булгаков, как обычно, точен в деталях. У него начало великой российской смуты маркировано похищением калош из подъезда Калабуховского дома. Но и во взбаламученной революциями и гражданской войной стране обладание калошами для определенного слоя оставалось одной из заманчивых целей. Единственным средством достижения которой по-прежнему служил грабёж... Генерал Андрей Григорьевич Шкуро, один из видных военачальников Белой армии, приводит в своих воспоминаниях весьма характерный эпизод. В сентябре 1919 г. под Воронежем Тульская пехотная дивизия была разбита красными войсками: «Брошенные на выручку ее донские полки атаковали, в свою очередь, победителей, отняли артиллерию, часть пулеметов и отбили до 2000 пленных тульчан. Затем, приведя обозы в порядок, Мамонтов перевел их обратно на правый берег Дона. Однако мои казаки успели-таки разбить брошенные повозки; многие щеголяли уже в новой одежде и *даже в калошах*»¹² (курсив мой. — В. Ш.).

Булгаковский Шарик — бездомный пес, т.е. элемент деклассированный — к калошам испытывает сильнейшую неприязнь. Едва появившись на страницах повести, в первом же своем внутреннем монологе он роняет: «Знакомые псы с Пречистенки, впрочем, рассказывали, будто бы на Неглинном в ресторане “Бар” едят дежурное блюдо — грибы, соус пикан по три рубля семьдесят пять копеек порция. Это дело на любителя —

¹⁰ Стоит заметить, что для получивших «старое» воспитание профессоров калоши еще долго оставались привычным и обязательным предметом обихода. Так, можно вспомнить слова дочери первого советского нобелевского лауреата академика Н. Н. Семенова, посетившего в начале декабря 1956 г. Стокгольм: «Были в ней (шведской прессе. — В. Ш.) такие забавные замечки. Вроде сообщения о приезде советского академика в длинном пальто и калошах — в Швеции так уже давно не ходили» (Блох А. М. Советский Союз в интерьере Нобелевских премий: Факты. Документы. Размышления. Комментарии. СПб.: Гуманистика, 2001. С. 313).

¹¹ Не случайно большевистские вожди с их лозунгом «грабь награбленное» очень быстро обустроили свой быт по образу и подобию быта свергнутых «эксплуататоров»: загородные имения, шампанское из царских подвалов...

¹² Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. С. 228.

все равно, что калошу лизать... У-у-у-у-у!...»¹³. Калоша, таким образом, является объектом сильных отрицательных эмоций, лизать ее — занятие отвратительное. Впрочем, эти эмоции вполне понятны. Собаке калоши ни к чему, надеть их или найти им какое-либо иное полезное применение она не может (вспомним: «Ерунда — калоши. Не в калошах счастье, — подумал пес»). Следовательно, этот бесполезный объект вполне может (или даже должен) быть уничтожен, и с тем большим удовольствием, что он имеет очевидную ценность в глазах людей, — существ в большинстве своем благополучных и по сравнению с ним процветающих...

Обосновавшись в доме профессора, Шарик именно это и проделывает, причем неоднократно:

«— Его, Филипп Филиппович, нужно хлыстом отодрать хоть один раз, — возмущенно говорила Зина, — а то он совершенно избалуется. Вы поглядите, что он с вашими калошами сделал.

— Никого драть нельзя! — волновался Филипп Филиппович. — Запомни это раз навсегда. На человека и на животное можно действовать только внушением»¹⁴.

«Ладно, будете вы иметь калоши завтра, многоуважаемый Филипп Филиппович, — думал он, — две пары уже пришлось прикупить, и еще одну купите. Чтоб вы псов не запирали»¹⁵.

И еще один эпизод:

«На шее у человека был повязан ядовито-небесного цвета галстух с фальшивой рубиновой булавкой. Цвет этого галстуха был настолько бросок, что время от времени, закрывая утомленные глаза, Филипп Филиппович в полной тьме то на потолке, то на стене видел пылающий факел с голубым венцом. Открывая их, слеп вновь, так как с полу, разбрызгивая веера света, швырялись в глаза лаковые штиблеты с белыми гетрами.

“Как в калошах” — с неприятным чувством подумал Филипп Филиппович, вздохнул, засопел и стал возиться с заглохшей сигарой. Человек у двери мутноватыми глазами поглядывал на профессора и курил папиросу, посыпая манишку пеплом»¹⁶.

Не случайно у Филиппа Филипповича возникающее при виде Шарикова «неприятное чувство» выражено (причем снова в одном из ключевых эпизодов повести, когда бывший пес впервые после операции предстает перед читателем в человеческом — точнее, в человекоподобном — облике)

¹³ Булгаков М. А. Собачье сердце. С. 454.

¹⁴ Там же. С. 483.

¹⁵ Там же. С. 488.

¹⁶ Там же. С. 503–504.

именно этими словами: «как в калошах». Профессору неприятно то, что существо пытается выглядеть человеком, не являясь таковым. Как в калошах — но не в калошах. То есть даже в этом Шариков не дотягивается до уровня человеческого существа.

Отношения с калошами другого булгаковского профессора, Владимира Ипатьевича Персикова из повести «Роковые яйца», подаются писателем в ином ключе, не философском, а юмористическом:

«Он надел серое летнее пальто и мягкую шляпу, затем, вспомнив про картину в микроскопе, уставился на свои калоши и несколько секунд глядел на них, словно видел их впервые. Затем левую надел и на левую хотел надеть правую, но та не полезла.

— Какая чудовищная случайность, что он меня отозвал, — сказал ученый, — иначе я его так бы и не заметил. Но что это сулит?.. Ведь это сулит чёрт знает что такое!.. — Профессор усмехнулся, прищурился на калоши и левую снял, а правую надел. — Боже мой! Ведь даже нельзя представить себе всех последствий... — Профессор с презрением ткнул левую калошу, которая раздражала его, не желая налезать на правую¹⁷, и пошел к выходу в одной калоше. Тут же он потерял носовой платок и вышел, хлопнув тяжелой дверью. На крыльце он долго искал в карманах спичек, хлопая себя по бокам, не нашел и тронулся по улице с незажженной папиросой во рту.

Ни одного человека ученый не встретил до самого храма. Там профессор, задрав голову, приковался к золотому шлему. Солнце сладостно лизало его с одной стороны.

— Как же раньше я не видал его, какая случайность?.. Тьфу, дурак, — профессор наклонился и задумался, глядя на разно обутые ноги, — гм... как же быть? К Панкрату вернуться? Нет, его не разбудишь. Бросить ее, подлую, жалко. Придется в руках нести. — Он снял калошу и брезгливо понес ее»¹⁸.

С одной стороны, это вроде бы еще один вариант традиционной забавной истории о рассеянном ученом. Хотя при желании и изрядной доле фантазии за ее текстом можно углядеть глубоко запрятанный подтекст. Так, С. В. Никольский полагает, что «перед нами <...> иносказательная композиция, которая прекрасно читается во втором семантическом поле. Грубо говоря, левая калоша означает военный коммунизм, правая — нэп»¹⁹.

Действительно, интерпретация весьма остроумная. Персиков (за которым, согласно С. В. Никольскому и некоторым другим авторам, уга-

¹⁷ Ср. с известной автопародией А. А. Ахматовой: «Я на правую ногу надела / Калошу с левой ноги».

¹⁸ Булгаков М. А. Роковые яйца // Булгаков М. А. Избр. произв.: в 2 т. Т. 1. С. 388–389.

¹⁹ Никольский С. В. Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов). 2-е изд., испр. и доп. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 39.

дывается сам вождь мирового пролетариата) надевает левую калошу (Ленин вводит военный коммунизм). Правая калоша на левую не лезет (рынок несовместим с военным коммунизмом). Левую снял, правую надел (Ленин отменил военный коммунизм, ввел нэп).

Можно даже развить мысль автора. Задумавшийся «глядя на разнó обутые ноги» Персиков — это замершая в нерешительности советская власть. Какую экономическую политику проводить? Может быть, «к Панкрату вернуться» — т.е. не вернуться ли к нормальной экономике? Но «нет, его не разбудишь» — возврат к старому, похоже, уже невозможен... Однако стоит прервать полет фантазии до того, как она успеет воспарить еще выше!

Мир художественной интеллигенции и мир интеллигенции естественнонаучной, хотя, конечно, не существуют изолированно, все-таки знают друг друга не слишком хорошо. Поэтому в фольклоре каждого из этих редко пересекающихся миров бытуют истории, другому миру практически незнакомые. Одна из таких историй, хорошо известная в математической среде, рассказывает о выдающемся российском математике академике Андрее Андреевиче Маркове-старшем (1856–1922):

«Дело якобы было первой революционной осенью, сразу после большевистского переворота. Академик Марков посылает письмо главе правительства Ульянову-Ленину примерно такого содержания:

“Уважаемый господин Ульянов!

К Вам обращается академик Российской академии наук Андрей Андреевич Марков. Дело в том, что я привык еженедельно посещать заседания Академии наук по секции “Математика”. К сожалению, в последнее время я лишен возможности участвовать в этих ученых собраниях, поскольку в Петрограде установилась холодная дождливая погода, мои единственные галоши украдены, а достать новые совершенно невозможно. Покорнейше прошу оказать мне содействие в приобретении новых галош. С почтением и т.д., подпись”.

Вождь Революции снабжает письмо резолюцией: “Тов. Бонч-Бруевичу: Прошу оказать содействие академику Маркову в приобретении галош”. Бонч-Бруевич посылает революционного матроса на квартиру академика. В результате через несколько дней на столе Ленина появляется второе послание, приблизительно такое:

“Уважаемый господин Ульянов!

Хочу поблагодарить Вас за оказанную мне помощь в приобретении галош. К сожалению, я по-прежнему не в состоянии посещать заседания Академии наук по секции “Математика”, поскольку холодная, дождливая погода продолжается, а присланные Вами галоши не того размера и на одну ногу. С почтением и т.д., подпись”²⁰.

²⁰ Кушнер Б. Учитель (К столетию Андрея Андреевича Маркова, Мл.) // Из истории кибернетики / ред.-сост. Я. И. Фет. Новосибирск: Академическое издательство “Тео”, 2006. С. 170–171.

В этой чудесной истории мы встречаем и чудаковатого профессора, с детской непосредственностью обращающегося со своей проблемой к руководителю страны (здесь невольно вспоминается столь же непосредственное поведение Владимира Ипатьевича Персикова: и его звонок на Лубянку, и «А нельзя ли, чтобы вы репортеров расстреляли?»), и унесенные революционным ветром единственные профессорские калоши, и даже калоши не на ту ногу.

Впрочем, история эта, хотя и прелестная, — несомненный апокриф; в действительности, конечно, все было несколько прозаичней. Вот как, цитируя архивные документы, излагает ее биограф ученого:

«5 марта 1921 г. А. А. Марков сообщил Общему собранию, что из-за отсутствия обуви он лишен возможности посещать заседания Академии. Спустя пару недель КУБУ, заседавшая под председательством М. Горького, удовлетворила эту прозаическую просьбу известного математика. Но время проявило своеобразный “колорит”. На заседании Физико-математического отделения Академии наук 25 мая 1921 г. Андрей Андреевич заявил: “Наконец я получил обувь, но она не только дурно сшита, но и совершенно мне не подходит по своим размерам. Таким образом, я по-прежнему лишен возможности правильно посещать заседания Академии. Полученную мною обувь я предлагаю поместить в Этнографическом музее как образец материальной культуры текущего момента, ради чего я готов ее пожертвовать”»²¹.

Если снова дать волю фантазии, то можно предположить что история (конечно, апокрифическая, а не реальная) с калошами академика была известна Булгакову. Можно даже начать фантазировать, от кого из своих причастных к миру науки знакомых он мог ее услышать. Однако делать это едва ли стоит. Лучше еще раз сказать о том, что Михаил Афанасьевич Булгаков — великий писатель, который, вопреки утверждениям многочисленных сегодняшних комментаторов, не переносил механически на бумагу все где-то увиденное, услышанное или прочитанное, а творил. Его произведения — это не фотографии ремесленника, как нас иногда пытаются убедить, а полотна, написанные кистью маэстро.

Обычно литература следует за жизнью. Однако бывает и наоборот — жизнь подражает описанным в литературе сюжетам. И в этом смысле каким-то странным образом перекликаются история со «шпионскими калошами», забытыми подозрительным визитером в прихожей профессора Персикова и изъятыми оттуда агентами ГПУ, и рассказанный Любовью Евгеньевной Белозерской эпизод, случившийся 7 мая 1926 г. во время обыска на квартире писателя:

²¹ Гродзенский С. Я. Андрей Андреевич Марков (1856–1922). М.: Наука, 1987. С. 136.

«На пороге стояли двое штатских: человек в пенсне и просто невысокого роста человек — следователь Славкин и его помощник с обыском. Арендатор пришел в качестве понятого. Булгакова не было дома, и я забеспокоилась: как-то примет он приход “гостей”, и попросила не приступать к обыску без хозяина, который вот-вот должен придти.

<...> Славкин и его помощник безмолвствуют. Опять молчание — и вдруг знакомый стук.

Я бросилась открывать и сказала шепотом М. А.:

— Ты не волнуйся, Мака, у нас обыск.

Но он держался молодцом (дергаться он начал значительно позже). Славкин занялся книжными полками. “Пенсне” стало переворачивать кресла и колоть их длинной спицей.

И тут случилось неожиданное. М. А. сказал:

— Ну, Любаша, если твои кресла выстрелят, я не отвечаю. (Кресла были куплены мной на складе бесхозной мебели по 3 р. 50 коп. за штуку)»²².

Итак, мы видим, что калоши появляются в повестях Булгакова отнюдь не случайно. В их глянцевої поверхности, как в зеркале, отразились не только некоторые черты дореволюционного и революционного времени, но и многие характерные особенности послереволюционного способа хозяйствования. Так, газета «Правда» утверждала 8 октября 1934 г., что «Наши заводы в настоящее время вырабатывают такое количество галош, которое покрывает потребность в них. Это значит, что каждый желающий мог бы в любом пункте страны купить пару галош». Казалось бы, все прекрасно! Но, продолжала газета, «мог бы, но не всегда это удастся. <...> В некоторых местах галош не хватает. Нехватка эта двоякого рода. В некоторых местах галош вообще нет, в других — нет нужных размеров»²³. «Где же галоши?» — вопрошала газета. Вопрос, конечно, риторический. Вероятно, там же, где к этому времени оказалось и все остальное...

²² Белозерская-Булгакова Л. Е. О, мед воспоминаний. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 28.

²³ Да и те, что попадали в магазины, едва ли радовали потребителя: «Низка производственная культура. На заводах небрежно обращаются с ценнейшим сырьем, грязь попадает в каучук, пыль садится на только что отлакированную галошу, неостывшая еще галоша небрежно засовывается в ящик» («Правда» от 17 октября 1934 г.).